

Каждому свой срок...

Программа партии, принятая на съезде, продекларировала, что нас ожидает в будущем, но сегодняшнюю жизнь определяла не Программа, а новый Устав партии. Его обновляли регулярно от съезда к съезду, но лишь косметически. На сей раз отец предложил внести в

Устав изменения принципиальные, меняющие самые основы построения внутрипартийной иерархии.

Сталин в свое время сравнил партию с орденом меченосцев, стержнем ее провозгласил беспрекословное подчинение низов верхам, чья власть не ограничивалась ни в пространстве, ни во времени и по своей сути не отличалась от монархической, отвергнутой народом в 1917 году, но возродившейся в новом обличье.

Отец давно, практически с момента его вхождения в высшую иерархию, считал необходимым цивилизовать эту власть. Он всерьез опасался возможности прихода нового Сталина и хотел поставить на пути возникновения тирании как можно больше рогаток. При существовавших в стране порядках занявшего пост начальника сковырнуть становилось практически невозможно. То есть его можно снять с работы повелением свыше, но с самыми высшими руководителями уже никто, кроме Господа Бога, справиться не мог. А тут возникла еще одна, не менее серьезная проблема. Члены Президиума ЦК, секретари обкомов, министры, сидя десятилетиями в своих кабинетах, дрыхли. С возрастом силы уходили, терялась острота восприятия. Какие из них работники? Отец, как мог, продвигал молодых, но без особого успеха, старики цепко держались за свои кресла. Достаточно сказать, что за последние годы в РСФСР ему удалось протолкнуть в руководство обкомами всего 2,9 процента секретарей моложе 35 лет – это человека три-четыре. В других республиках дела обстояли еще печальнее.

Сейчас, после ухода с политической арены «молотовцев» и устранения Жукова, он получил достаточно власти, чтобы эту самую власть ограничить. В выступлении на Президиуме ЦК 14 декабря 1959 года, процитированном мною в предыдущей главе, отец назвал такую власть «спаявшейся артелью», предложил демократизировать ее, отказаться от «артельно-монархической» формы правления.

То, что отец произнес крамольные слова в конце 1959 года, сразу по возвращении из США, неслучайно. Последней каплей стал разговор отца с американским президентом в сентябре 1959 года в Кэмп-Дэвиде. В следующем, 1960 году, у Эйзенхауэра заканчивался второй срок и ему, несмотря на популярность, предстояло покинуть Белый дом, дольше находиться у власти конституция США не разрешала. Отец решил в частной беседе с Эйзенхауэром детально поговорить на эту тему. Но думал отец не столько о президенте США, сколько о планах в отношении собственной страны, пока еще достаточно расплывчатых.

Вопрос отца: «Не подумывает ли президент о третьем сроке?» Эйзенхауэра попросту удивил.

– Конституция не велит, – лаконично ответил он.

– Я понимаю, – не унимался отец, – но вас любят в стране. Я сам в том убедился за время визита. Вы делаете много полезного, и у вас обширные, еще нереализованные планы. Жалко, если преемник все загубит. А конституция? Конституцию можно и подправить. Думаю, Конгресс встанет на вашу сторону.

– Нет. Конституцию менять нельзя, – Эйзенхауэр недоумевал, как это его собеседник не понимает такие простые вещи. – Начнешь без конца «подправлять» основной закон, и от страны скоро ничего не останется. Потому он и основной, что неизменный.

Отец завелся, долго еще пытал Эйзенхауэра и так, и эдак и наконец, удовлетворенный, отстал. Только подумал: «Вот бы и нам такую неприкосновенную Конституцию заиметь».

К началу 1961 года расплывчатые рассуждения о сменности руководства приобретали четкие очертания. Отец предлагал ограничить пребывание на выборных партийных постах, в том числе и в Президиуме ЦК, тремя пятилетними сроками, то есть на каждом, собираемом раз в пять лет, съезде обновлять руководящие органы партии на одну треть.

О новом Уставе на съезде предстояло докладывать Козлову, и он же оказался самым упорным оппонентом нововведения. Еще бы! Он рассчитывал со временем стать преемни-

ком Хрущева. С принятием этой нормы Устава все рушилось: или ему самому придется уйти одновременно с Хрущевым, или, в самом благоприятном случае, власть ему достанется всего на пятилетие. Козлова поддерживали и другие члены Президиума, разве за исключением стариков – Микояна и Куусинена. Открыто с отцом не спорили, выдвигали аргументы необходимости сохранения преемственности, накопленного опыта, а за его спиной ворчали: «Он старик, ему и двух сроков за глаза хватит, помрет, а что делать нам, пятидесятилетним?»

Отец находился в зените власти и настоял на своем. В новый Устав партии вписали обязательную ротацию руководителей всех уровней, от Президиума ЦК до низовой партийной ячейки. Правда, одну уступку Козлов выторговал, если «за» члена ЦК проголосуют более двух третей делегатов съезда, то он может «в порядке исключения» остаться и на дополнительный срок. То же самое и для членов Президиума, если им «окажут доверие» более двух третей состава ЦК. Тогда все голосовали еще по-сталински, единогласно. На это Козлов и рассчитывал. Отец же считал, что обновляемый на каждом съезде Центральный Комитет наберет авторитет, и исключительные обстоятельства станут на самом деле «исключительными».

Одновременно в новом Уставе рекомендовалось, формального запрета не имелось и раньше, на выборах партийных органов всех уровней не подводить черту, ограничивающую число предложенных сверху кандидатов по числу имеющихся вакансий, а позволить присутствующим делегатам выдвинуть и кого-то «снизу». Другими словами, ломался основополагающий сталинский принцип: на одно место только один, заранее оговоренный претендент. Шаг – вправо, шаг – влево... Предложение не ограничивалось партийными рамками. По традиции того времени партийные правила немедленно становились и правилами государственными.

Съезд принял Устав без дискуссий по существу, ограничился формальным «обсуждением». Перевыборные новшества в первую очередь затронули низовые, первичные организации. Там секретарство традиционно считалось обузой. Уговорить кого-либо, особенно человека достойного, и значит занятого, стать членом партбюро, я уже не говорю о секретаре, было не просто. Лишних хлопот на свою голову никто не хотел, потенциальные кандидаты отбивались от предлагаемой им «чести», как могли, ссылались, кто на производственные обязанности, кто на слабое здоровье, кто на трудности в семье. Правда, после избрания некоторые вживались в роль, для таких секретарство становилось профессией.

Теперь профессионалам-секретарям предстояло распрощаться с «профессией», а директорам предприятий добавилось хлопот, подыскивать «под себя» новых кандидатов. Секретарь партбюро или парткома, если найдешь толкового, становился помощником, правой рукой директора, а ошибешься, поставишь жалобщика-кляузника – наживешь головную боль. В отличие от директора, рядовых участников партийных собраний не очень волновало, кого избрать секретарем. Главное, чтобы жребий не пал на тебя самого. Так что демократизацию партийной жизни рядовые партийцы встретили с прохладцей.

Множественность выдвижения кандидатов на «низовых» выборах тоже обрадовала далеко не всех. Пока число кандидатов равнялось числу вакансий, процесс голосования не затягивался, проголосовал и, заранее зная результат, который только назавтра объявят, идешь домой. Хотя голосование и тайное, но «заголосовывали» только кого уж особенно невзлюбят или кого слишком настойчиво навязывали сверху. Согласно новым правилам, кандидатов становилось непредсказуемо много, симпатии разделялись, а для избрания требовалось набрать положенный минимум голосов. Если кто недоберет, начинай все сначала, обсуждай, переголосовывай, время теряй. Поэтому всегда находился кто-то, требовавший после оглашения предложенного «верхами» списка подвести черту, и тут же поднимался лес рук, голосовавших за прекращение выдвижения «ничьих» кандидатов.

В верхних эшелонах партийной власти новшества прививались еще тяжелее. Здесь очень боялись потерять контроль над выборами, а потому делали все, чтобы свести «демократические» процедуры к пустой формальности. Выдвижение как «основных», так и «альтернативных» кандидатов проходило «организованно». Я не припомню случая, чтобы в секретари обкомов попал кто-то непредусмотренный разрядкой отдела партийных органов ЦК. Обкомы столь же жестко отслеживали выборы на районном уровне. Но там всё же возникали сбои, появлялись и даже избирались на руководящие должности люди «со стороны».

Все эти трудности естественны. В обществе, основанном на монархических традициях, где никто не сомневался, ни в верхах, ни в низах, что на властные посты назначают по велению сверху, а выборы проводятся для проформы, демократия прививается туго. И отношение складывалось соответственное. Чтобы люди поверили в то, что они действительно кого-то выбирают, необходимо время, но требовалось с чего-то начинать. Вот отец и начал. Демократия, пусть и с трудом, пробивала себе путь.

Правда, недолго, вскоре вольностям положили конец. Следующий, XXIII съезд партии проходил уже без Хрущева. Его делегаты, по предложению Президиума ЦК, ликвидировали «волонтаристские» глупости, исключили из Устава партии все ограничения по срокам пребывания во власти, вернули и старую безальтернативную процедуру выборов.